

Марина ТКАЧУК

КИЕВ В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОМ ВОЗРОЖДЕНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В истории отечественной философской культуры найдется, пожалуй, немного эпох, одинаково привлекательных и для исследователя, и для «любомудра», эпох, подобных началу XX столетия, окрещенному загадочно-маняще «серебряным веком» или торжественно-обязывающе «духовным ренессансом». Что и говорить, эпоха действительно щедрая и для ученого-гуманитария, и для алчущего «пищи духовной», и для тонкого ценителя Слова, столь диссонирующего с незатейливым и не всегда внятным лексиконом современника. Не так давно возвращенная из небытия и казавшаяся «неподнятой целиной», сегодня эта эпоха обретает — усилиями прежде всего тех, кто настойчиво и последовательно, шаг за шагом, возвращает в культурный обиход ее памятники, кто дарит читателю удивительный мир забытых текстов и неведомых контекстов — все более отчетливые и выразительные очертания.

В деле «возвращения» успехов, конечно же, немало. Переизданы или впервые изданы важнейшие первоисточники, найдены и частично опубликованы архивные документы, эпистолярий, воспоминания участников и свидетелей мощного культурного подъема канунной России. Значительно меньше, на наш взгляд, сделано по части *осмысления* самого феномена возрождения, традиционно именуемого «религиозно-философским», однако, по сути, охватившего весь пласт духовной культуры, словно спешившей выплеснуться наружу в предчувствии скорой и неминуемой гибели.

С одной стороны, наметившееся отставание вполне понятно — любое осмысление, а тем более осмысление целостное и непродвинутое, требует накопления первичного мате-

риала, наличного «идейного фонда», способного служить надежной предпосылкой последующей рефлексии. И тем не менее фрагментарный характер воссоздания этого идейного фонда, в определенном смысле «очаговый» исследовательский интерес, старающийся ухватить наиболее яркое и лежащее на поверхности, пренебрегающий деталями, подчас весьма важными для понимания целого, не может не вызывать некоторой тревоги и недоумения.

В данном случае речь идет о том избирательном внимании, которым сегодня охвачены «места памяти» духовного возрождения в России начала XX века. Никто, конечно же, не возьмется оспаривать роли и значимости Москвы или Санкт-Петербурга как важнейших очагов культурного ренессанса, тем не менее самый беглый взгляд на духовные процессы, протекавшие в Киеве той поры, на причудливое и многообразное переплетение корней и судеб, которыми соткана живая ткань серебряного века, не может не заметить роли и значимости *киевского* «гнезда» ренессансной культуры, заслуживающего права стоять в одном ряду с московским и петербургским центрами религиозно-философского возрождения.

Нельзя сказать, чтобы Киев начала века совсем уж был обойден вниманием историков философии, культурологов или литературоведов. Последнее десятилетие отмечено появлением ряда работ, возвращающих из небытия имена киевских философов и богословов, обнаруживающих такие их начинания, как Религиозно-философское и Научно-философское общества, журнал «Христианская мысль», газету «Народ». Духовной атмосферы киевского культурного гнезда с необходимостью касаются краеведы и историки литературы (преимущественно, булгаковеды). И тем не менее до сих пор все эти работы, носящие спорадический и локальный характер, преследующие иные исследовательские задачи, нежели специальный анализ духовной ситуации и свершений указанной эпохи, позволяют сегодня говорить, на наш взгляд, лишь о некотором «предчувствии» действительного места Киева в культурном возрождении России начала XX ст., о словно подразумеваемом, но четко не артикулированном признании значимости киевского «гнезда» в духовных

процессах серебряного века, о первом приближении к большой и сложной теме, пока еще, увы, не только далекой от своего целостного осмысления, но и, по сути, не заявленной в качестве предмета систематического изучения. В этом смысле трудно не согласиться с горьким замечанием М. С. Петровского о том, что далекий Киев времен Владимира и Ярослава «изучен не в пример старательнее», нежели такой, казалось бы, близкий Киев начала прошлого столетия, что «самый интересный, самый богатый, самый насыщенный период киевской истории оказался и самым неизвестным».¹

В рамках короткой статьи всех проблем, связанных с постижением сложной и многообразной темы «киевской составляющей» религиозно-философского возрождения в России, конечно же, не решить. Тем не менее, попробуем заострить внимание на том, на наш взгляд, важном, что составляет специфику религиозно-философских процессов в Киеве начала XX века.

Традиционно феномен религиозно-философского возрождения в России связывают с деятельностью «вольных» философов, поэтов и литераторов. Его символами в сознании большинства отечественных и западных интеллектуалов являются отнюдь не университетские кафедры или духовно-академические аудитории, а литературно-художественные салоны, вроде знаменитой «башни» Вяч. Иванова или окутанного запахами ландышей морозовского особняка. Такой взгляд, конечно же, небезоснователен, хотя и несколько односторонен. Если учесть, что, при всей уникальности и неповторимости культуры серебряного века, смысл и значение религиозно-философского ренессанса может быть понят лишь в контексте целостного постижения процессов становления и развития философии в России. Речь идет о том, что расцвет религиозно-философской мысли начала XX в. является, прежде всего, закономерным этапом процесса внутреннего вызревания этой мысли, оформления того интеллектуального и образовательного пространства, без которого невозможно полноценное философское творчество. Мироззренческий поворот в умах интеллигенции, ее переориентация от общественного служения к постижению духовного мира личности, признанной высшей ценностью, эсхатоло-

гическая тревожность и апокалиптическая чувствительность философской мысли, глубинная синкретичность, пестрота и вольность стиля, являющиеся непреложными характеристиками философствования серебряного века, не должны заслонять того немаловажного факта, что расцвет философской мысли в канунной России является, в значительной мере, закономерным результатом предшествующего развития систематического философского образования, начало которому было положено Киево-Могилянской академией.

В самом деле, случаен ли тот факт, что творцы религиозно-философского ренессанса, независимо от того, вышли ли они «из марксизма» или из литературной среды, — сплошь и рядом лица с университетским образованием, а его крупнейшие деятели — по преимуществу университетская профессура? Случайно ли то, что всплеск религиозно-философской мысли в России начала XX века совпадает с расцветом университетской и духовно-академической традиции? Случайно ли то, что выразители первой и второй — одни и те же лица, сплоченные в единое пространство мысли, слова и действия общей образовательной и интеллектуальной средой?

Для исследователей киевского культурного «гнезда» ответы на эти вопросы самоочевидны: осмысление религиозно-философских процессов в Киеве начала XX века непосредственным образом сопряжено с глубинным освоением его духовно-академической и университетской традиции.

Что же дает основания для подобного вывода? Прежде всего тот факт, что именно с деятельностью академических философов связаны все важнейшие инициативы и события религиозно-философской жизни в Киеве предреволюционной эпохи. Ее расцвет — результат усилий нескольких поколений мыслителей Киевской духовной академии и Университета Св. Владимира, не устававших отстаивать самоценность и значимость философии в борьбе с дилетантским и утилитарным отношением к ней со стороны так называемых «властителей дум» российской интеллигенции.

К сожалению, университетской и духовно-академической философии, занятой, прежде всего, решением образовательных и научных задач, в драматическом процессе становления отечественной философской мысли до сих пор

отводится роль не столько «действующего лица», сколько «зрителя», равнодушного ко всему, что выходит за рамки его профессионального интереса и компетенции. Целый ряд исследователей придерживается малопродуктивной и неоправданной, на наш взгляд, точки зрения, в соответствии с которой «внепрофессиональная по формальному признаку корпоративной принадлежности мысль несет больший содержательный заряд, нежели параллельно существовавшие течения профессиональной, академической, профессорской философии».² Дело не только в том, что указанное противопоставление, равносильное противопоставлению «умозрения в красках» «умозрению в слове», трудно признать корректным, если осознавать, что и «философ в пещере», и «философ в салоне» и «философ за кафедрой» одинаково существенны для исследователя, стремящегося понять историю отечественной философии в ее целом, и что так называемая «школьная», или «профессорская», философия — не тлетворный нарост на теле культуры, а ее закономерный продукт и в то же время мощный стимул. Да, в силу ряда исторических причин, философия на просторах Российской империи существенно запоздала в своем становлении и никогда не имела условий, благоприятных для своего развития, получая вместо «спокойного академического ухода» (Г. Шпет) бесконечные санкции со стороны «просвещенных» властителей, мотивированные печально известной формулой: «Польза от философии не доказана, вред от нее возможен». Не удивительно, что отсутствие нормальных условий для развития профессиональной философии, зашоренной нескончаемыми подозрениями и регламентациями, подталкивало философскую мысль к выходу в иные сферы творчества — прежде всего, в журналистику и литературу, с которыми связывают наиболее оригинальные страницы русской философии. И тем не менее именно духовными академиями и университетами, чьи обстоятельные философские курсы имели статус общеобязательных, чьи профессора радели об издании философских памятников и переводов новейшей европейской литературы, инициировали и развивали философскую периодику и философские общества, настойчиво утверждали в общественном со-

знании значимость философии как необходимого компонента духовной культуры, и был создан фундамент для возникновения философского сообщества и легитимации философского знания в нефилософски настроенной России.

Киев, волею судеб ставший «колыбелью» философского образования и философских наук для всего восточнославянского мира, оставался одним из центров отечественной академической философии и в XIX — начале XX вв. С именами профессоров и воспитанников Киевской духовной академии и Университета Св. Владимира связаны весьма значительные страницы истории философской мысли в России. Историко-философская наука и этика, философская антропология и логика в их российской традиции во многом обязаны деятельностью О. М. Новицкого, С. С. Гогоцкого, В. Н. Карпова, П. Д. Юркевича, П. И. Линицкого, А. А. Козлова, А. Н. Гилярова, Г. И. Челпанова и других киевских профессоров. Небезынтересно вспомнить, что именно в Киеве был предпринят опыт первой отечественной философской энциклопедии (ею стал пятитомный «Философский лексикон», составленный и изданный в 1857–1873 гг. воспитанником Киевской духовной академии, профессором Университета Св. Владимира С. С. Гогоцким). Именно здесь впервые зародилась и осуществилась идея профессионального философского журнала (вспомним «Философский трехмесячник», издававшийся в 1885–1887 гг. профессором Университета Св. Владимира, одним из фундаторов российского персонализма А. А. Козловым). Не говорим уже о многочисленных учебниках, монографиях, переводах, статьях киевских профессоров, существенно обогативших отечественную философию и культуру.

В свете нашей темы особенно важно подчеркнуть, что именно из Киева прозвучали первые тревожные голоса, уже в начале 1860-х гг. предупреждавшие о бесперспективности примитивного материализма, который, отрицая духовную сторону бытия, отождествляя добро с «полезностью», а философское творчество — со служением утилитарно-общественным целям, по замечательному выражению О. М. Новицкого, «ходит только об одной ноге и смотрит только одним глазом».³ Достаточно сопоставить содержание знамени-

тых идейных сборников начала XX в., отразивших настрой и пафос религиозно-философского ренессанса («Проблемы идеализма», «Вехи» и др.), с менее известными широкому кругу полемическими статьями П. Д. Юркевича, О. М. Новицкого, С. С. Гогоцкого, А. А. Козлова, направленными против нигилистической и позитивистской «пошести», поразившей интеллектуальные круги России, для того чтобы увидеть их глубочайшую конгениальность и оценить всю меру прозорливости «провинциальных» профессоров философии (по оценкам Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского — «анахронизмов», «схоластов XIX века» и попросту «мракобесов»), предугадавших, что «в ближайшем будущем надо ожидать сближения философии и религии для решения стоящего на очереди вопроса об отношении веры и знания».⁴

Анализируя роль университетской и духовно-академической профессуры в религиозно-философских процессах в Киеве начала XX в., следует отметить несколько существенных, на наш взгляд, моментов.

Прежде всего, следует учитывать значимость и плодотворность сугубо профессиональной деятельности киевских профессоров философии, усилиями которых философское образование студентов университета и духовной академии приобретало фундаментальный характер. Как ни удивительно, но преподавание всех философских дисциплин возлагалось в те времена на плечи всего нескольких человек, и тем не менее результаты их деятельности выглядят гораздо весомее усилий многочисленных преподавателей, обеспечивающих изучение философии в нынешних учебных заведениях. В этом смысле небезынтересно вспомнить имена и «учителей», и «учеников», которыми представлено философское сообщество Киева на рубеже XIX–XX вв.

Прежде всего следует отметить наличие очень мощного состава преподавателей философии Университета Св. Владимира и Киевской духовной академии в несколько предреволюционных десятилетий.

Так, в 1887 г. университетская кафедра философии была вверена А. Н. Гилярову, выдающемуся мыслителю, крупному историку философии, талантливому педагогу, в будущем — первому академику-философу Всеукраинской Академии

наук. Именно с появлением А. Н. Гилярова чрезвычайно углубляется и разнообразится преподавание в университете, прежде всего, историко-философских курсов, а основной акцент делается на безупречное знание первоисточников и воспитание в студенческой среде способности к самостоятельному и критическому мышлению. С 1892 г. кафедра философии пополняется еще одним преподавателем — Г. И. Челпановым, в скором будущем — известным философом и психологом, выдающимся организатором отечественной науки, с именем которого связано создание Московского Психологического института (1914), бывшего в свое время одним из лучших в Европе. Убежденные в том, что настоящее философское образование может давать только университет, и радеющие о повышении качества и эффективности такого образования, А. Н. Гиляров и Г. И. Челпанов иницируют в конце 1897 г. создание при кафедре философии Психологической семинарии — по сути своей, общеуниверситетского научного студенческого сообщества, объединявшего тех, кто проявлял интерес и способность к занятиям философией и психологией.⁵ О значимости и плодотворности десятилетней деятельности Г. И. Челпанова как руководителя этого сообщества красноречиво свидетельствует та роль, которую сыграло активное участие в работе Психологической семинарии в профессиональном становлении выдающихся ее воспитанников — Г. Г. Шпета, В. В. Зеньковского, П. П. Блонского, А. М. Щербины. В то же время вспомним, с какой теплотой отзывался о Г. И. Челпанове бывший киевский студент Н. А. Бердяев, увидевший в нем, при всей своей нелюбви к академической философии, «новый тип профессора»⁶ — не просто опытного специалиста и лектора, а личность, отличающуюся широтой и разнообразием интересов, открытостью к общению и диалогу. В памяти Н. А. Бердяева Г. И. Челпанов навсегда остался первым философом, встреченным им на жизненном пути.⁷

Несмотря на то, что ни А. Н. Гиляров, ни Г. И. Челпанов не выявляли тяготения к религиозно-философскому дискурсу, оба профессора, исповедовавшие продуманное и целостное идеалистическое мировоззрение, всей своей преподавательской и научной деятельностью приближали время той глу-

бинной переоценки ценностей, в которой заложена вся сущность российского религиозно-философского ренессанса. Можно только представить себе, каким диссонансом по отношению к угрюмой «народническо-утилитарно-аскетической» философии выглядел курс «Светлой и радостной философии», представлявший студентам развернутое А. Н. Гиляровым на почве платонизма и принадлежащее к традиции философии всеединства учение «синехологического спиритуализма».

Не менее впечатляющее воздействие на аудиторию производил и знаменитый спецкурс Г. И. Челпанова, изложенный впоследствии в его работе «Мозг и душа», оцененной В. В. Зеньковским как «лучшая не только в русской, но и в мировой литературе книга по критике метафизического материализма». ⁸ Значимость вклада Г. И. Челпанова в дело научно-философской критики материализма отмечал и Н. А. Бердяев. ⁹

На рубеже XIX–XX вв. в Киевском университете отмечается и свежий приток религиозных мыслителей. Так, в один год с Г. И. Челпановым кафедре энциклопедии права занимает Е. Н. Трубецкой, один из наиболее известных религиозный философов и деятелей религиозно-философского возрождения в России начала XX века. Тринадцатилетний период преподавательской деятельности Е. Н. Трубецкого в Университете Св. Владимира ознаменован целым рядом философско-правовых курсов, послушать которые приходили не только будущие юристы, но и студенты других факультетов. Особой популярностью пользовалось введенное Е. Н. Трубецким так называемое «чтение рефератов» по вопросам философии права: «...пред тысячной аудиторией шли оживленные прения между студентами-марксистами и сторонниками субъективистской школы». ¹⁰

Одной из примечательных фигур университетской жизни Киева на рубеже веков был известный религиозный мыслитель П. Я. Светлов. Профессор богословия в 1897–1912 гг., П. Я. Светлов проявлял особый интерес к современной религиозно-философской мысли и прививал такой интерес своим студентам не только в аудитории, но и на занятиях созданного при богословской кафедре университета религиозно-философского кружка.

С Киевом, как известно, связано начало преподавательской деятельности выдающегося русского философа и богослова С. Н. Булгакова. В начале 1900-х гг. он совмещал профессию в Киевском Политехническом институте с приват-доцентурой в Университете Св. Владимира, где читал «Критическое введение в политэкономию» и «Критическое введение в экономическую науку с беседами». ¹¹ В киевский период творчества С. Н. Булгакова завершается его мировоззренческий поворот «от марксизма к идеализму», происходит его возвращение к Богу. Этот поворот отражался не только в многочисленных статьях С. Н. Булгакова тех лет, но и в его лекционных курсах по политэкономии, в которых «после теории о прибавочной ценности говорилось об Алексее Карамазове, о “Рассеюшке”, о том, как плачет “голодное дитё”, которое снится Мите Карамазову». ¹²

С 1907 г. с Киевом самым тесным образом связана и деятельность П. В. Тихомирова, религиозного философа и богослова, воспитанника Московской духовной академии. Совмещая профессию по кафедре философии нежинского Историко-филологического института с приват-доцентурой в Университете Св. Владимира, П. В. Тихомиров излагал в студенческой аудитории не только общеобязательные логику и психологию, но и спецкурсы по философии Ницше и Канта — мыслителей, давших мощный идейный импульс русской философской культуре начала XX века.

Несмотря на разнообразие философских взглядов и научных приоритетов, упомянутых здесь профессоров Университета Св. Владимира объединяет нечто, на наш взгляд, более существенное: каждый из них был настоящим профессионалом, мыслителем, личностью. Неудивительно, что при таком созвездии «учителей» Университет Св. Владимира дал не менее яркое созвездие «учеников», существенно обогативших отечественную философскую культуру.

Среди них вспомним бывших студентов юридического факультета Льва Шестова и Н. А. Бердяева, выпускников историко-филологического факультета Г. Г. Шпета, П. П. Блонского, В. В. Зеньковского, Д. И. Чижевского, Г. И. Якубаниса, В. Ф. Асмуса, чьи имена не нуждаются в представлении. Некоторые из них (например, В. В. Зеньковский и Г. И. Якуба-

нис) вошли в историю Университета Св. Владимира не только как его воспитанники, но и как профессора, а с именами Шестова, Бердяева, Зеньковского оказались связаны важнейшие страницы русского религиозно-философского возрождения.

Менее известными широкому кругу, но от этого не менее значимыми фигурами в религиозно-философской жизни Киева начала XX в. были и профессора Киевской духовной академии.

Почти сорок лет (1867–1906) провел за философской кафедрой КДА выдающийся мыслитель, автор фундаментальных трудов, один из авторитетнейших отечественных кантоведов П. И. Линицкий. Воспитанник киевской духовно-академической школы, он продолжил ее традиции в условиях кризиса европейской современной философии, засилья вульгарного материализма и позитивизма, рассматривая глубинную проблему теистического философствования — взаимоотношение веры и разума — как проблему взаимоотношения между верой и естественнонаучным знанием, верой и наукой, и утверждая их единство в познании и жизни мира.

Особого внимания в контексте нашей темы заслуживает П. П. Кудрявцев, занимавший историко-философскую кафедру Киевской духовной академии в 1897–1919 гг. В творчестве мыслителя нашли особенно яркое отражение основные интенции эпохи религиозно-философского возрождения, касающиеся прежде всего осмысления причин нравственного кризиса интеллигенции, тотального нивелирования абсолютных ценностей и идеалов, распространения вульгарноматериалистического мировоззрения, признающего одни лишь законы необходимости и отрицающие свободу человеческого выбора между добром и злом. обстоятельный анализ популярного в начале века эмпириокритицизма, развенчание его претензий на всю полноту истины, осуществленные П. П. Кудрявцевым,¹⁵ являются, на наш взгляд, одним из наиболее весомых достижений киевской религиозно-философской мысли предреволюционных десятилетий.

Среди коллег и единомышленников П. П. Кудрявцева особого внимания заслуживает В. И. Экземплярский, профессор нравственного богословия, изгнанный не только из Киевс-

кой духовной академии (1912), но и из «духовного ведомства» за якобы «антиправославную» деятельность. И творчество, и преподавательская деятельность В. И. Экземплярского, навсегда оставшегося в глазах студентов «профессором нравственности», проникнуты глубокими раздумиями над путями церковного возрождения, преодолением разрыва между Церковью и интеллигенцией, апологией нравственных заветов Христа, бескомпромиссным и последовательным утверждением их руководительного значения в жизни личности, общества, государства, человечества.

В контексте нашей темы важно отметить, что в начале XX века Киевская духовная академия заслуженно снискала в общероссийских кругах репутацию первой «по свежести и прогрессивности», выступая флагманом в так называемом «автономизационном» движении православных духовных академий. Представители либерального крыла духовно-академической профессуры (П. П. Кудрявцев, В. И. Экземплярский, В. П. Рыбинский, В. З. Завитневич, Н. И. Петров, Ф. И. Титов и др.) особенно остро ощущали необходимость целительных перемен в жизни академий, придания им статуса *научно-учебных заведений*, превращения их из сословных в открытые для всех, кто стремится получить богословское образование, признания принципов свободы научного исследования, выборности руководства и расширения сферы компетенций академического Совета нормой духовно-академической деятельности, утверждения во взаимоотношениях профессорской и студенческой корпораций нравственного начала и уважения в достоинству личности. Именно эти устремления и принципы были заложены в основу проекта наиболее необходимых изменений и дополнений к действующему уставу духовных академий, вышедшего из стен Киевской духовной академии осенью 1905 г. и нашедшего поддержку и одобрение всех духовных академий России. Несмотря на то, что вступившие в силу в январе 1906 г. «Временные правила» для академий, в значительной степени отвечавшие инициативам киевской либеральной духовно-академической профессуры, оказались не слишком долговечными (новый устав духовных академий, утвержденный в 1910 г., возвращал их в консервативно-рутинное русло), борьба киевлян за об-

новление духовного образования и церковной жизни осталась одной из самых ярких страниц эпохи.

Говоря о роли киевской университетской и духовно-академической профессуры в религиозно-философских процессах начала XX в., не следует ограничиваться обращением лишь к их сугубо профессиональной деятельности, ведь в творчестве упомянутых выше мыслителей особенно ярко воплощена такая характерная особенность философского дискурса серебряного века, как публичность. Окрепшая и обретающая всё большую полнозвучность профессиональная религиозно-философская мысль начала XX в., словно не в силах мириться со сковывающими ее предписаниями министерских и синодальных уставов, безудержно устремилась за пределы университетских и духовно-академических кафедр, изливаясь в публичных докладах, рефератах, в издательских начинаниях, на страницах периодики, в создании свободных, внеакадемических сообществ. Невозможное и неуместное в учебных курсах, но сокровенное и наиболее находило выход в кругу единомышленников и «сочувствующих».

Киев начала XX в. дает особенно много примеров внеакадемической деятельности профессоров философии, с которой связаны ярчайшие страницы эпохи религиозно-философского возрождения.

Так, в памяти киевлян надолго сохранились вдохновенные публичные лекции С. Н. Булгакова, собиравшие огромные аудитории. «Что дает современному сознанию философия Вл. Соловьева?», «Иван Карамазов как религиозный тип», «Душевная драма Герцена», «Чехов как мыслитель». Эти и многие другие известные работы С. Н. Булгакова произросли из одноименных лекций, восторженно воспринятых киевской публикой. «Залы, в которых читал в Киеве о. Сергей, — вспоминал В. Н. Ильин, — были переполнены, и стиль этих лекций, равно как и их успех, показывает, что действительно свершался некий крутой поворот от жалких и бедных идей 60-х и 70-х годов, даже полный разрыв с ними ради роскошной и многообещающей зари новых дней».¹⁴

Незабываемые впечатления оставило у киевлян публичное заседание Киевского юридического общества 28 фев-

раля 1904 г., посвященное памяти выдающего русского философа и правоведа Б. Н. Чичерина. Очевидцы определяют количество присутствовавших в этот вечер в актовом зале Университета Св. Владимира от двух до семи (!) тысяч человек. Среди инициаторов заседания — Е. Н. Трубецкой, выступавший с докладом «Б. Н. Чичерин как учитель права и правды», и Г. И. Челпанов, избравший темой доклада «Значение Б. Н. Чичерина для русской философской мысли». Об интенсивности публичной деятельности университетских философов весьма красноречиво свидетельствует тот факт, что уже на следующий день (29 февраля) Е. Н. Трубецкой выступал с публичной лекцией «Метафизические предположения идеи добра»,¹⁵ а спустя несколько недель (21 марта) многочисленная аудитория присутствовала на защите докторской диссертации Г. И. Челпанова «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности», где выступали оппонентами А. Н. Гиляров, Е. Н. Трубецкой и Н. А. Бердяев.

Не только не отставали, но иногда и опережали университетских коллег по части инициативности и «публичности» профессора Киевской духовной академии. Столь деятельное участие во всех важнейших религиозно-философских начинаниях, которое выявила киевская духовно-академическая профессура, беспрецедентно даже для такой исполненной неожиданных поворотов эпохи, какую было предреволюционное десятилетие. Именно в стенах Киевской духовной академии родилась и реализовалась идея создания Киевского религиозно-философского общества (1908–1918), сплотившего не только духовно-академических и университетских религиозных мыслителей, но и всю религиозно настроенную интеллигенцию Киева. Активность духовно-академической профессуры Н. А. Бердяев справедливо считал особенностью Киевского религиозно-философского общества, отличавшую его от аналогичных обществ в Санкт-Петербурге и Москве.¹⁶ С какими бы трудностями и запретами не сталкивались профессора Киевской духовной академии, именно они (и прежде всего, П. П. Кудрявцев и В. И. Экземплярский) оставались живым средоточием деятельности общества на протяжении всей его истории. Об авторитете и

значимости Киевского религиозно-философского общества красноречиво свидетельствует участие в его публичных заседаниях таких крупных фигур серебряного века, как Н. А. Бердяев, Д. С. Мережковский, П. Б. Струве, В. П. Свенцицкий, Д. В. Философов и др. Его бессменными участниками выступали и университетские философы — П. В. Тихомиров, В. В. Зеньковский, А. Б. Селиханович и др. Что же касается места Религиозно-философского общества в духовной и интеллектуальной жизни Киева предреволюционной эпохи, то достаточно упомянуть полные залы, собиравшиеся послушать очередной доклад, и живейшие дискуссии, не заканчивающиеся иногда и к полуночи.

Киевские примеры очень ярко подтверждают тот факт, что расцвет философии в России начала века сопряжен с деятельностью не только религиозных мыслителей, но и их оппонентов, и к этому расцвету причастны в равной мере как «путейцы», так и «логосовцы». Существование различных философских дискурсов — особенность серебряного века, которую явил нам и Киев: с Религиозно-философским обществом, подвижимым, в первую очередь, религиозными запросами времени и стремлением к утверждению христианских ценностей, с 1914 г. мирно уживалось общество Научно-философское, указывавшее своей целью «разработку научно-философских вопросов и содействие распространению интереса к научно-философскому знанию».¹⁷ Причем многие из упомянутых киевских профессоров-философов предреволюционной поры (в частности, П. П. Кудрявцев и В. В. Зеньковский) успешно совмещали членство в обоих обществах.

Важно отметить самое деятельное соучастие духовно-академической и университетской профессуры в киевских издательских проектах начала XX в. В этой связи вспомним религиозно-философскую газету «Народ» (одним из ее инициаторов и издателей выступил С. Н. Булгаков), оставившую короткий, но яркий след в духовной жизни Киева начала XX века. Задуманная как не только местный, но и всероссийский орган, газета должна была способствовать преодолению разрыва между религией и жизнью, углублению и прояснению религиозно-философского сознания, религиозному

осмыслению проблем культуры.¹⁸ В числе ее участников заявлен целый ряд крупнейших российских мыслителей, поэтов и литераторов, среди которых и уже известные нам киевляне. К сожалению, издание, предпринятое в апреле 1906 г., прекратилось уже на восьмом номере, тем не менее успело заявить о себе как об одном из очень характерных, на наш взгляд, памятников русской «ренессансной» культуры, заслуживающих самого пристального внимания исследователей.

То же самое касается и деятельности киевского издательства «Христианская мысль», известной, прежде всего, благодаря одноименному журналу, являвшемуся своеобразным рупором Киевского религиозно-философского общества. Инициатором и руководителем «Христианской мысли», зарегистрированной в ноябре 1915 г., стал В. И. Экземплярский. Задуманный как «орган православного самосознания», журнал «Христианская мысль» ставил своей задачей «служить, по мере сил, росту христианской мысли в России, отвечая на религиозные вопросы современного общества и содействуя выяснению в его сознании подлинно христианских основ жизни».¹⁹ Наряду с В. И. Экземплярским самое активное участие в издании журнала принимали П. П. Кудрявцев, В. В. Зеньковский, П. В. Тихомиров, В. З. Завитневич, И. П. Четвериков и другие киевские профессора. Среди авторов, опубликованных в «Христианской мысли», — С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. В. Карташов, В. А. Кожевников, П. А. Флоренский, Лев Шестов, В. Ф. Эрн и многие другие.

Как видим, даже поверхностного экскурса в историю киевской академической философии начала XX в. достаточно для того, чтобы осознать ключевую роль профессоров Университета Св. Владимира и Киевской духовной академии в религиозно-философской жизни Киева начала XX века и ощутить значимость их начинаний в религиозно-философском возрождении России. Очевидно, что не только эти начинания, но и прежде всего творчество каждого из тех, о ком шла речь, давно жаждали своих исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Петровский М. С.* Мастер и Город: Киевские контексты Михаила Булгакова. — К.: Дух і Літера, 2001. — С. 15, 16.

² *Громов М. Н.* Кардиогнозия Памфила Юркевича и традиции отечественной философии // *Философская и социологическая мысль.* — 1996. — № 3–4. — С. 18.

³ *Новицкий О. М.* Несколько слов в ответ на рецензию соч.: «Постепенное развитие древних философских учений и пр.», помещенную в «Современнике» // *Философская и социологическая мысль.* — 1996. — № 1–2. — С. 196.

⁴ Там же. — С. 197–198.

⁵ Подробнее о деятельности Психологической семинарии см.: *Ткачук М. Л.* 3 історії університетської філософії в Києві: Психологічна семінарія Г. І. Челпанова // *Наукові записки НаУКМА.* — Т. 20. Спец. випуск. — Ч. І. — К., 2002. — С. 82–87.

⁶ *Бердяев Н. А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). — М.: Книга, 1991. — С. 125.

⁷ См.: *Бердяев Н. А.* Памяти Георгия Ивановича Челпанова // *Путь (Париж).* — 1936. — № 50 (январь — март — апрель). — С. 56–57.

⁸ *Зеньковский В. В.* История русской философии: В 2-х т. — Париж: УМСА-PRESS, 1989. — Т. II. — С. 235.

⁹ См.: *Бердяев Н. А.* Памяти Георгия Ивановича Челпанова. — Цит. изд. — С. 56

¹⁰ *Заславский Д.* Предрасветное // 3 іменем Святого Володимира: У 2-х т. — Кн. 2. — К.: Заповіт, 1994. — С. 360.

¹¹ См.: *Обозрение преподавания в имп. Университете Св. Владимира на 1902–1903 учебный год // Университетские известия (Киев).* — 1902. — № 9. — С. 48; *Обозрение преподавания в имп. Университете Св. Владимира на 1904–1905 учебный год // Там же.* — 1904. — № 9. С. 51.

¹² *Ирецький В.* Из дневника. От марксизма к идеализму // *Наш век (Пг.).* — 1918. — 27 (14) июня. — № 102. — С. 2.

¹³ См. его: *Очерки современного эмпиризма.* — К., 1907; *Абсолютизм или релятивизм? К уяснению задач современной философии.* — Вып. I. — К., 1908 и др.

¹⁴ *Ильин В. Н.* In memorem // *Вестник РХД (Париж).* — 1971. — № 101–102. — С. 62–63.

¹⁵ См.: *Записная книжка С. И. Маслова за 1904 г.* — Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. — Ф. 33. — № 3665. — Л. 1.

¹⁶ См.: *Бердяев Н. А.* Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь» // *Н. А. Бердяев о русской философии.* — Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. — С. 219.

¹⁷ См.: Філософський факультет (документи та матеріали). — К.: Центр навчальної літератури, 2004. — С. 137.

¹⁸ См.: Народ (Киев). — 1906. — 2 (15) апреля. — № 1. — С. 1.

¹⁹ См.: Христианская мысль (Киев). — 1916. — № 1. — С. 2.